

Общероссийская ассоциация
общественных объединений
«ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»

Э. Ильенков и социализм

(сборник научных статей
по материалам Ильенковских Чтений - 2001)

Москва – 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (С. Мареев)	4
-------------------------------	---

Раздел первый. Социализм и методология его исследования

С. Мареев. Историзм и социологизм в общественной науке	7
А. Бузгалин. Из царства необходимости в царство свободы: творческий марксизм Э.В. Ильенкова и вызовы социализму в условиях «постиндустриального общества»	21
Г. Солодков. Кризисный и стабилизационный тип теоретического сознания: версия Ю.Н. Давыдова.....	55
А. Майданский. Практическая истина коммунистических утопий.....	70
В. Лазуткин. Социализм как присвоение культуры	87
С. Никишин. Отчуждение и революционность в современном мире (по материалам статей Э.В. Ильенкова).....	103
В. Пшенников-мл. Творчество и пути преодоления отчуждения	114

Раздел второй. Социализм и современная Россия

С. Мареев. Социализм как «действительное движение»	124
А. Сорокин. Какой социализм нужен России в XXI веке?	140
Н. Попадюк. Э.В. Ильенков и проблемы преодоления формальной плановости	152
В. Пшенников-ст. Многоукладность и современный социализм	185
В. Арсланов. Спор Ленина с Плехановым по аграрному вопросу в 1905 году и проблемы современной культуры.....	196
Г. Солодков. Россия и миграция	214
В. Королев. Э. Ильенков: социальная сущность человека и перспективы социализма	228

Приложение

Г. Лукач. Роза Люксембург как марксист (перевод и предисловие В. Пшенникова-мл.)	238
---	-----

мента этой работы¹ выполнен настолько неудачно, что текстуальные ошибки граничат с сознательным искажением смысла. Совсем недавно появился перевод Предисловия Г. Лукача к изданию «Истории и классового сознания» 1967 года².

Хочется выразить надежду, что предлагаемый перевод еще одного фрагмента этой работы приблизит читателя к пониманию философии Г. Лукача.

Василий Пшенников
7.01.02.

Георг Лукач

Роза Люксембург как марксист
(фрагмент работы «История и классовое сознание»)

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т.е. то историческое движение, которое их порождает

К. Маркс. Нищета философии

Не преобладание экономических мотивов в толковании истории решительным образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями, есть сущность метода, который Маркс перенял у Гегеля и оригинально преобразовал в основу совершенно новой науки. Капиталистическое отделение производителя от совокупного процесса производства, расчленение рабочего процесса на части, которое оставляет без внимания человеческое своеобразие рабочего, атомизация общества на беспорядочно и бессвязно, бесцельно производящих индивидов и т.д. должно также оказывать глубокое влияние и на мышление, науку и философию капитализма. И глубокая революционность пролетарской науки состоит не только в том, что она противопоставляет буржуазному обществу революционное содержание, но в самую первую очередь — в революционной сущности самого

¹ См. Георг Лукач. Материализация и пролетарское сознание / Вестник Социалистической Академии, 1924, № 4-6.

² См. Солодков Г.П. Позитивизм и диалектика у входа в XXI век. Ростов-на-Дону, 2000, С.340-360.

метода. *Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке.*

Этот революционный принцип гегелевской диалектики был — без ущерба для всего консервативного содержания Гегеля — многократно признан до Маркса, но так, что из этого признания не могла бы развиться революционная наука. Только у Маркса гегелевская диалектика стала, по словам Герцена, действительно «алгеброй революции». Таковой она стала, однако, не просто путем материалистического переворачивания. Скорее, в этом перевороте и через этот переворот революционный принцип гегелевской диалектики смог стать явным только потому, что сущность метода, точка зрения тотальности, рассмотрение всех частных явлений как моментов целого, диалектического процесса, схваченного как единство мысли и истории, была сохранена. Диалектический метод у Маркса рассчитан на познание общества как тотальности. В то время как буржуазная наука тем — методически необходимым и полезным в отдельных науках абстракциям, которые возникают, с одной стороны, вследствие объективного обособления исследовательского объекта, с другой — вследствие научного разделения труда и специализации, приписывает либо наивно-реалистически «действительность», либо «критически» — автономию, марксизм снимает эти обособления, возводя их в диалектические моменты и принижая их. Абстрагирующая изоляция элементов, как целой исследовательской области, так и отдельных комплексов проблем или понятий внутри исследовательской области, конечно неизбежна. Определяющим однако остается, является ли эта изоляция лишь средством познания целого, т. е. всегда подчинена соответствующей всеобщей связи, которую она рассматривает в качестве предпосылки и требования, или, отстаивая свою «автономию», абстрактное познание изолированных частичных областей остается самоцелью. Для марксизма, таким образом, в конечном счете, не существует самостоятельных правовой науки, национальной экономики, истории и т.д., но есть одна единственная и единая — исторически-диалектическая — наука о развитии общества как тотальности.

Однако точка зрения тотальности определяет не только предмет, но и субъект познания. Буржуазная наука рассматривает явления общества — сознательно или бессознательно, наивно или нарочито — всегда с точки зрения индивидуума¹. А с позиции индивидуума не может получиться тотальность, самое большее — аспекты частной области, но ча-

¹ То, что это не случайно, а следует из сущности буржуазного общества, Маркс убедительно доказал по отношению к экономическим робинзонадам. Zur Kritik der politischen Oekonomie, Einleitung MEW 13, S. 615 ff.

ше всего — фрагментарное: бессвязные «факты» или абстрактные частные законы. Тотальность предмета может быть понята только тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью; когда он поэтому чтобы помыслить себя, вынужден мыслить предмет как тотальность. Эту точку зрения тотальности как субъекта в современном обществе представляют собой единственно и одни только *классы*. Таким образом Маркс, рассматривая, особенно в «Капитале», каждую проблему с этой точки зрения, еще более решительно и продуктивно, хотя и реже понимаемый своими последователями, чем в вопросе «идеализма» и «материализма», исправил Гегеля, который еще колебался между «большим индивидуумом» и абстрактным народным духом.

Классическая экономия, и еще больше ее вульгаризаторы, всегда рассматривали капиталистическое развитие с позиций *единичного капиталиста* и поэтому впадали в неразрешимые противоречия и кажущиеся проблемы. В «Капитале» Маркс радикальным образом порывает с этим методом. Не будто бы он — в агитационных целях — каждый момент сразу и исключительно стал рассматривать с позиций пролетариата. Из подобной односторонности могла бы получиться лишь новая вульгарная экономия с так называемыми обратными знаками. Напротив, рассматривая проблему капиталистического общества в целом как проблему составляющих его классов, он рассматривает капиталиста и пролетария как *целокупность*. В какой мере таким образом целая серия вопросов предстает в совершенно новом свете, как возникают новые проблемы, которые классическая экономия не в состоянии не только разглядеть, но и уж тем более решить, как многие из ее кажущихся проблем растворились в ничто, — исследование всего этого не может быть здесь нашей задачей, мы хотели бы указать лишь на методическую проблему. Здесь задача состоит только в том, чтобы точно указать на обе предпосылки истинного, а не играющего использования диалектического метода, как это было у эпигонов Гегеля, на требование тотальности как положенного предмета, так и полагающего субъекта.

2

В главной работе Розы Люксембург — «Накопление капитала» — после десятилетий вульгаризации марксизма проблема снова рассматривается с этих позиций. Это опошление марксизма, его поворот в буржуазно-«научное» русло нашли свое первое ясное и открытое выражение в «Предпосылках социализма» Бернштейна. Отнюдь не случайно, что та самая глава этой книги, которая начинается нападками на диалектический метод во имя точной «науки», оканчивается обвинением в бланкизме самого Маркса. Не случайно, так как в тот момент, когда происходит отказ от точки зрения тотальности, исходного пункта и

цели, предпосылки и требования диалектического метода; в тот момент, когда революция понимается не как момент процесса, а как изолированный, отделенный от общего развития акт, — тогда революционность Маркса должна казаться возвратом к примитивному периоду рабочего движения, к бланкизму. И с принципом революции, как следствием категориального господства тотальности, распадается вся система марксизма. Бернштейновская критика как оппортунизм слишком оппортунистична, чтобы в этом отношении были выявлены все ее претензии¹.

Но диалектический ход истории, который оппортунисты прежде всего стремились изъять из марксизма, все же навязал им необходимые выводы. Экономическое развитие империалистического периода сделало все более невозможными кажущиеся нападки на капиталистическую систему, «научный» анализ ее — в интересах «объективной и точной науки» — изолированно рассматриваемых явлений. Необходимо было не только политически решиться, встать на сторону капитализма или против. Необходимо было также и теоретическое решение. И оно выглядело так: либо по-марксистски рассматривать всеобщее развитие общества как тотальность, но тогда теоретически и практически преодолеть феномен империализма, или уклониться от этой встречи, ограничиваясь специально-научным исследованием отдельных моментов. Монографическая точка зрения прочнейшим образом запирает горизонт перед проблемой, при виде которой приходит в ужас вся ставшая оппортунистической социал-демократия. Пока она находила «точные» описания в отдельных областях, «вне времени действующие законы» для отдельных случаев, размылось отделение империализма от предшествующего периода. Оказались в капитализме «вообще», наличие которого мыслилось им, как и Рикардо и его последователям — буржуазным вульгарным экономистам, все более соответствующим именно сущности человеческого разума, тем же «естественным законом».

Было бы не марксистской и не диалектической постановкой вопроса, если бы мы стремились исследовать, практический оппортунизм стал причиной этого теоретического падения в методологию вульгарных экономистов или наоборот. К способу рассмотрения исторического материализма относятся обе тенденции: они образуют общественную среду довоенного состояния социал-демократического движения; среду, из которой единственно может быть понята борьба вокруг «Накопления капитала» Розы Люксембург.

¹ Впрочем это добавляет и сам Бернштейн: «Считаясь с агитационными потребностями партии», говорит он, «сейчас я фактически не всегда делал последние выводы из своих критических предложений». Voraussetzungen, IX. Ausgabe, 260.

Так как дебаты, которые вели Бауэр, Экштейн и т.д., вращались не вокруг вопроса о том, верно или неверно объективно решение проблемы накопления капитала, которое предложила Роза Люксембург. Напротив, спорили о том, имеется ли здесь вообще проблема и оспаривали с крайней резкостью наличие действительной проблемы. С методической точки зрения вульгарной экономии это вполне понятно, даже необходимо. Так как, если, с одной стороны, обходиться с вопросом накопления капитала как с отдельной проблемой национальной экономики, а с другой — рассматривать ее с точки зрения отдельного капиталиста, то здесь действительно никакой проблемы не будет¹.

Это отклонение целой проблемы тесно связано с тем, что критики Розы Люксембург незаметно прошли мимо решающего отрывка книги («Исторические условия накопления») и настойчиво ставили вопрос в такой форме: правильны ли формулы Маркса, которые покоятся на методологически изолированном предположении об обществе, состоящем лишь из капиталистов и пролетариев, и как их можно лучше всего истолковать. То, что это предположение у самого Маркса было лишь методологическим, чтобы яснее схватить проблему, от которого однако должен быть сделан шаг к всеохватывающей постановке вопроса, к постановке вопроса в плане тотальности общества, критики целиком просмотрели. Они просмотрели, что по отношению к вопросу о так называемом первоначальном накоплении капитала Маркс сам сделал этот шаг в первом томе «Капитала»; они — осознанно или неосознанно — умолчали о том, что весь «Капитал» как раз по отношению к этому вопросу и является фрагментом, который обрывается именно там, где эта проблема должна быть развернута; что, соответственно этому, Роза Люксембург сделала не что иное, как додумала до конца фрагмент из Маркса в его смысле, и дополнила его соответственно его духу.

Но они все-таки поступили целиком последовательно. Ибо с точки зрения единичного капиталиста, с точки зрения вульгарной экономики эта проблема фактически не должна ставиться. С позиций отдельного капиталиста экономическая действительность оказывается миром, над которым господствуют вечные законы природы, миром, чьим законам он подчинил все свое поведение. Реализация прибавочной стоимости, накопление протекает для него (во всяком случае даже здесь только очень часто, однако вовсе не всегда) в форме обмена с другим отдельным капиталистом. И вся проблема накопления также является лишь проблемой формы многочисленных превращений, которые принимают в процессе производства, обращения и т.д. формулы Т-Д-Т и Д-Т-

¹ В своей антикритике Роза Люксембург неопровержимо доказывает это особенно своему серьезнейшему критику Отто Бауэру, 66ff.

Д. Так вопрос накопления становится для вульгарной экономики специально-научным детальным вопросом, совершенно не соединяющимся с судьбой совокупного капитализма, с вопросом, решение которого достаточным образом гарантирует правильность Марксовых «формул», которые в лучшем случае — как у Отто Бауэра — должны улучшаться «соответственно времени». То, что экономическая действительность принципиально не может быть постигнута при помощи этих формул, так как предпосылкой этих формул является абстракция от этой всеобщей действительности (рассмотрение общества в предположении, будто оно состоит лишь из капиталистов и пролетариев), что, стало быть, эти формулы могут служить лишь для разъяснения проблемы, лишь трамплином для постановки проблемы, Бауэр и его товарищи постигли так же мало, как в свое время ученики Рикардо — марксистскую постановку этих вопросов.

«Накопление капитала» снова воспроизводит метод и постановку вопроса молодого Маркса, «Нищеты философии». Так же, как там анализируются исторические условия, которые сделали возможной и действительной экономику Рикардо, так и здесь применяется тот же метод к фрагментарным исследованиям из II и III томов «Капитала». Буржуазные экономисты, как идеологические представители поднимающегося капитализма, должны были отождествить открытые Смитом-Рикардо «естественные законы» с общественной действительностью, чтобы найти в капиталистическом обществе единственно возможное, соответствующее человеческой «природе» и разуму, общество. Так же и социал-демократия должна была, как идеологическое выражение той, ставшей мелкобуржуазной рабочей аристократии, которая была заинтересована в империалистической эксплуатации всего мира во время последней фазы капитализма, однако все же пыталась избежать своей необходимой судьбы, мировой войны, так понять развитие, будто бы капиталистическое накопление могло происходить в том самом безвоздушном пространстве математических формул (стало быть без проблем, стало быть без мировой войны). Таким образом они оказывались в отношении политического понимания и предвидения далеко позади тех заинтересованных крупнобуржуазных капиталистических слоев, которые заинтересованы в империалистической эксплуатации со всеми ее военными последствиями. Но вследствие этого они уже тогда могли теоретически получить их сегодняшнюю должность: быть стражами вечной прочности капиталистического экономического порядка, стражами от роковых катастрофических последствий, до которых пророчески слепо доводят те самые истинные выдающиеся представители империалистического капитализма. Точно так же, как отождествление рикардовских «естественных законов» с общественной действительностью

стью было идеологической самозащитой поднимающегося капитализма, интерпретация Маркса австрийской школой, ее отождествление Марксовых абстракций с тотальностью общества есть самозащита «рациональности» гибнущего капитализма. И точно так же, как рассмотрение тотальности молодым Марксом ярко осветило *facies hippocratica* тогда еще цветущего капитализма, так и последний цветок капитализма в рассмотрении Розы Люксембург, путем включения его основных проблем в тотальность исторического процесса, получает характер страшного танца смерти, эдипова пути наперекор неизбежной судьбе.

3

Опровержению «марксистской» вульгарной экономики Роза Люксембург посвятила особую, вышедшую после ее смерти брошюру. Это опровержение, однако, могло бы найти свое подходящее, как в изобразительном, так и методическом отношении, место в конце второго отдела «Накопления капитала», как четвертая кампания в обсуждении этого вопроса жизни и смерти капиталистического развития. Ведь изобразительное своеобразие этой книги заключается в том, что она в преобладающей части посвящена проблемно-историческим исследованиям. Не только потому, что Марксов анализ простого и расширенного воспроизводства сам образует исходный пункт исследования вообще и начало окончательной, реальной разработки проблемы. Ядром книги является, так сказать, литературно-историческое препарирование больших дебатов по вопросу накопления: дебатов Сисмонди с Рикардо и его школой, Родбертуса с Кирхманом, народников с русскими марксистами.

Но даже при этом способе изложения Роза Люксембург не стоит вне марксистской традиции. Скорее ее способ композиции означает также возврат к оригинальному, неподдельному марксизму: к способу изложения самого Маркса. Так как его первое зрелое, полное и завершенное произведение «Нищета философии» опровергает Прудона таким образом, что восходит к действительным истокам его воззрений, к Рикардо — с одной стороны и к Гегелю — с другой. Анализ того, где, как и прежде всего почему Прудон *должен был* ложно понять Рикардо и Гегеля, есть источник света, который не только безжалостно освещает собственные противоречия Прудона, но и проникает в темные, ему самому не известные причины, из которых проистекают его заблуждения: в классовые отношения, теоретическим выражением которых являются его воззрения. Так как «экономические категории есть лишь теоретические выражения, абстракции общественных производствен-

ных отношений», говорит Маркс¹. И если его главная теоретическая работа из-за объема и полноты рассматриваемой там отдельной проблемы лишь частично допускала этот вид проблемно-исторического изложения, то это не должно прикрывать *объективное сходство разработки проблемы*. «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости» являются по сути дела одним произведением, внутренняя структура которого означает содержательное разрешение проблемы, блестяще и изобразительно щедро обрисованной и поставленной в «Нищете философии».

Эта внутренняя форма постановки проблемы снова возвращает нас к центральной проблеме диалектического метода, к правильно понятой господствующей позиции категории тотальности и, вместе с этим, к гегелевской философии. Философский метод Гегеля, который всегда — в особенности характерным образом в «Феноменологии Духа» — был одновременно историей философии и философией истории, в этом существенном пункте никогда не отбрасывался Марксом. Ибо гегелевское — диалектическое — отождествление мышления и бытия, понимание их единства как единства и тотальности одного процесса, образует также сущность философии истории исторического материализма. Сама материалистическая полемика против «идеологического» понимания истории больше направлена против эпигонов Гегеля, чем против самого мастера, который в этом отношении был много ближе Марксу, чем тот мог некоторое время думать в борьбе против «идеалистического» окостенения диалектического метода. Ибо «абсолютный» идеализм эпигонов Гегеля означает распад изначальной тотальности системы², отсечение диалектики от живой истории и таким образом — в конце концов — уничтожение диалектического единства мышления и бытия. Но в догматическом материализме эпигонов Маркса повторяется то же самое: распад конкретной тотальности исторической действительности. Даже если их метод и не вырождается в пустую мыслительную схему, как у эпигонов Гегеля, то он костенеет в механистической отдельно-научной вульгарной экономике. Если те из-за этого потеряли способность схватить исторические события своими чисто идеологическими конструкциями, то эти оказываются также не способными постичь как взаимосвязь так называемых «идеологических» форм обще-

¹ Elend der Philosophie, MEW 4, S. 130.

² Об отношении Гегеля к его последователям vgl. прекрасная статья гегельянца Лассалы: «Die Hegelsche und die Rosenkranzsche Logik», Werke. Cassirer, Bd.VI. Насколько сам Гегель ведет свою систему к неверным решениям и глубоко исправляется и решительно продолжается здесь Марксом, vgl. den Aufsatz: «Was ist orthodoxer Marxismus?»

ства с их экономическими основаниями, так и саму экономику как тотальность, как общественную действительность.

Для диалектического метода речь идет — что он всегда разрабатывает — всегда об одной и той же проблеме: о познании тотальности исторического процесса. Поэтому «идеологические» и «экономические» проблемы теряют для него свою взаимную застывшую чуждость и сливаются. *Проблема истории становится по сути дела историей проблемы.* Литературное, научное выражение проблемы является выражением общественной целостности, выражением ее возможностей, границ и проблем. Тем самым литературно-историческое рассмотрение проблемы может чистейшим образом выразить проблематику исторического процесса. История философии становится философией истории.

Поэтому вовсе не является случайностью, что оба основные произведения, с которых начинается теоретическое возрождение марксизма, «Накопление капитала» Розы Люксембург и ленинское «Государство и революция», также и по форме изложения возвращаются к молодому Марксу. Чтобы диалектически восстановить перед нашими глазами объективную проблему своих произведений, они дают в известной степени литературно-историческое изложение становления их проблем. И в то время как они анализируют то изменение и тот перелом тех воззрений, которые предшествуют их постановке проблемы, в то время как они рассматривают каждый такой этап мыслительного разъяснения или путаницы в историческом единстве их причин и следствий, они таким образом дают возможность, в иначе не достижимой жизненности, возникновения *самого исторического процесса*, чьим плодом в реальности являются их собственные постановка и решение проблемы. Нет большего различия, чем различие между этим методом и «принятием во внимание предшественников» в буржуазной науке (к приверженцам которого относятся также социал-демократические теоретики). Так как, в то время как она проводит методическое различие между теорией и историей, в то время как она принципиально-методически обособляет друг от друга отдельные проблемы, и, следовательно, включает проблему тотальности из соображений точной научности, то история проблем становится фактическим и литературным балластом для самой проблемы; чем-то, что может быть интересным лишь для специалистов, чья безграничная растяжимость все более скрывает истинный смысл действительных проблем и успешно питает пустой профессионализм.

Вследствие этой связи с изобразительно-методологическими традициями Маркса и Гегеля история проблем Ленина становится внутренней историей европейских революций XIX в.; а литературно-

историческое изложение Розы Люксембург вырастает в историю борьбы за возможность существования и распространения капиталистической системы. Первые большие потрясения еще не развитого, поднимающегося капитализма, большие кризисы 1815 и 1818/19 начинаются с борьбы в форме «Nouveaux Principes d'Economie Politique» Сисмонди. Речь идет о первом — по целям реакционном — познании проблематики капитализма. Неразвитая форма капитализма идеологически отражается в таких же односторонних и ложных точках зрения его противников. Когда реакционный скепсис Сисмонди усмотрел в кризисах знак невозможности накопления, еще нерушимый оптимизм выразителей нового производственного порядка отрицал необходимость кризисов, наличие такой проблематики вообще. В конце концов социальное расслоение спрашивающих и общественное значение их ответов почти совершенно перевернулись: это уже стало темой — если даже еще долгое время недостаточно осознанно — судьбы революции, гибели капитализма. То, что Марксов анализ теоретически решающе повлиял на это изменение значения, есть свидетельство того, что и идеологическое руководство буржуазии обществом начинает все больше ускользать из ее рук. Но когда здесь, в теоретической позиции народников, открыто проявляется их мелкобуржуазно-реакционная сущность, интересно наблюдать, как «марксисты» России все сильнее становятся идеологическими поборниками капиталистического развития. Они становятся идеологическими наследниками социального оптимизма Сэя, МакКуллоха и т.д. в отношении возможностей развития капитализма. ««Легальные» русские марксисты, — говорит Роза Люксембург¹, — без сомнения выиграли у своих противников, «народников», но они слишком много выиграли... Речь шла о том, способен ли капитализм вообще, и в России в особенности, к развитию, и упомянутые марксисты так основательно показали эту способность, что они даже теоретически доказали возможность вечности капитализма. Ясно, что если принимается безграничное накопление капитала, то также доказывается безграничная жизнеспособность капитала... Если капиталистический способ производства в состоянии безгранично обеспечивать рост производительных сил, экономический прогресс, тогда он непреодолим.»

Здесь начинается четвертая и последняя кампания по проблеме накопления, кампания Отто Бауэра против Розы Люксембург. Вопрос социального оптимизма пережил новое функциональное изменение. Сомнение в возможности накопления снимает у Розы Люксембург свою абсолютистскую форму. Оно становится *историческим* вопросом усло-

¹ Akkumulation des Kapitals, 296. I. Auflage.

вий накопления и вместе с этим уверенностью, что безграничное накопление невозможно. Накопление становится, в силу того, что оно рассматривается в своей общественной среде как целое, диалектичным. Оно вырастает в диалектику всей капиталистической системы. «В том моменте, — говорит Роза Люксембург¹, — где марксова схема расширенного воспроизводства соответствует действительности, она указывает выход, исторические границы движения накопления, следовательно, конец капиталистического производства. Невозможность накопления означает невозможность дальнейшего развития производительных сил по-капиталистически и вместе с тем объективную историческую необходимость гибели капитализма. Отсюда получается полное противоречий движение последней, империалистической фазы, как завершающего периода в историческом пути капитала.» В то время как сомнение вырастает в диалектическую уверенность, оно бесследно оставляет позади все мелкобуржуазно-реакционное своего прошлого: *оно становится оптимизмом, теоретической уверенностью в грядущей социальной революции.*

Это же функциональное изменение придает противоположной точке зрения, согласно с безграничным накоплением мелкобуржуазно-колеблющийся, робкий и сомневающийся характер. Согласно Отто Бауэра не хватает солнечного и безмятежного оптимизма каких-нибудь Сэя или Туган-Барановского. Бауэр и его идейные товарищи являются, даже с марксистской терминологией, по сути своей теории прудонистами. Их попытки решить проблему накопления, точнее говоря, не признавать ее как проблему, в конечном счете сводятся к стараниям Прудона, беречь «хорошие стороны» капиталистического развития и при этом избегать его «плохих сторон»². Признание вопроса накопления означает, однако, признание того, что эти «плохие стороны» неразрывно связаны с внутренней сущностью капитализма; вследствие этого оно означает, что империализм, мировая война и мировая революция должны быть поняты как необходимости развития. Это противоречит, однако, как уже было отмечено, непосредственным интересам тех словес, чьими идеологическими представителями стали марксисты центра: которые желают иметь высокоразвитый капитализм без империалистических «перегибов», «упорядоченное» производство без «помех» войны и т.д. «Эта концепция, — говорит Роза Люксембург³, — метит на то, чтобы убедить буржуазию, что империализм и милитаризм вредны с

¹ Ebd. 393.

² Elend der Philosophie, MEW 4, S. 131-133.

³ Antikritik, 118. [Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 106]

точки зрения ее собственных капиталистических интересов, — чтобы тем самым изолировать воображаемую кучку людей, извлекающих прибыль из империализма, и таким путем образовать блок пролетариата с широкими слоями буржуазии с целью «умерить» империализм... «лишить его жала»! Как либерализм на закате дней своих апеллировал от малопросвещенной к более просвещенной монархии, так «марксистский центр» хочет апеллировать от буржуазии, которая не поддается советам, к буржуазии, поддающейся внушению»¹. Бауэр и его товарищи как экономически, так и идеологически капитулировали перед капитализмом. Эта их капитуляция выражается теоретически в их экономическом фатализме, в их вере в вечную, обусловленную «естественным законом» жизнь капитализма. Но так как они — как истинные мелкие буржуа — являются лишь идеологическим и экономическим придатком капитализма, так как их желание — иметь капитализм без «плохих сторон», без «перегибов», они в то же время стоят в — опять истинно мелкобуржуазной — «оппозиции» к капитализму: в *этической* оппозиции.

4

Экономический фатализм и новое этическое обоснование социализма тесно связаны друг с другом. Не случайно мы находим их снова равным образом у Бернштейна, Туган-Барановского и Отто Бауэра. При том не только из необходимости искать и найти субъективный заместитель закрывающему самого себя, объективному пути к революции, сколько как методическое следствие вульгарно-экономического способа рассмотрения: как следствие методологического индивидуализма. Новое «этическое» обоснование социализма есть субъективная сторона отсутствующей, единственно способной на обобщение категории то-тальности. Для индивидуума — частный ли это капиталист или частный пролетарий — окружающий мир, его общественная среда (как и ее теоретическое отражение и проекция: природа), должен казаться жестоким и бессмысленно роковым, вечно ему чуждым. Этот мир может быть им постигнут лишь в том случае, если он принимает в теории форму «вечных законов природы», то есть, если он получает чуждую человеку, не поддающуюся влиянию деятельных возможностей индивидуума и не проницаемую рациональность; если человек относится к нему чисто созерцательно, фаталистически. Возможность действия в этом мире предполагает только два пути, которые, однако, оба являют-

¹ Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 106.

ся лишь кажущимися путями действия, изменения мира. Во-первых, использование вышеупомянутым образом познанных, фаталистически принятых, неизменных «законов» для определенных человеческих целей (например, техника). Во-вторых, как чисто внутренне ориентированное действие, как попытка осуществить изменение мира в единственно оставшейся, оставшейся свободной точке мира, в самом человеке (этика). Но так как механизация мира необходимо вместе с тем механизует его субъекта, человека, то эта этика тоже остается абстрактной, в противоположность тотальности даже изолированного от мира человека, лишь нормативной и не действительно активной, предметообразующей. Она остается голым долженствованием; она имеет характер голого требования. Методическая взаимосвязь кантовской «Критики чистого разума» и его «Критики практического разума» необходима и неизбежна. И каждый «марксист», который при рассмотрении общественно-экономической действительности отказался от тотального рассмотрения исторического процесса, от метода Гегеля-Маркса, чтобы приблизиться каким-нибудь образом к отдельно-научному, неисторическому, ищущему «законы» методу «критического» рассмотрения, должен — как только он поднимает проблему действия — возвращаться к абстрактной этике долга кантовской школы.

Таким образом разрыв тотального рассмотрения разрывает и *единство теории и практики*. Деятельность, практика — требование чего Маркс поставил во главу угла своими тезисами о Фейербахе — это в сущности проникновение в действительность, преобразование действительности. Действительность однако может быть схвачена и преодолена лишь как тотальность, и к этому преодолению способен лишь тот субъект, который сам есть тотальность. Не напрасно молодой Гегель¹ в качестве первого требования своей философии выдвигает фразу о том, что «истина должна быть схвачена и выражена не только как субстанция, но и как субъект». Таким образом он вскрыл глубочайшую ошибку, последнюю преграду классической немецкой философии, вот только действительное осуществление его требования не удалось даже его собственной философии; она различным образом оставалась в тех же рамках, которые ограничивали его предшественников. Только Марксу удалось конкретное обнаружение этой «истины как субъекта» и создание тем самым единства теории и практики, так как он ограничил и сконцентрировал осуществление познанной тотальности на действительность исторического процесса и таким образом определил познаваемую и познающую тотальность. Научно-методическое превосходст-

¹ Phaenomenologie des Geistes. Vorrede.

во точки зрения класса (в противоположность точке зрения индивидуума) ясно уже из предшествующего. Теперь будет ясна и причина превосходства: *только класс может деятельно проникнуться общественной действительностью и изменить ее в ее тотальности*. Поэтому «критика», которая ведется с этой точки зрения, будучи рассмотрением тотальности, есть диалектическое единство теории и практики. Она есть, в неразрывном диалектическом единстве, одновременно основание и следствие, одновременно отражение и двигатель исторически-диалектического процесса. Пролетариат как субъект мышления общества разрубает одним ударом дилемму бессилия: дилемму фатализма чистых законов и этики чистого убеждения.

Итак, если для марксизма познание исторической обусловленности капитализма (проблема накопления) становится вопросом жизни, то оно становится таковым потому, что только в этой взаимосвязи, в единстве теории и практики, является как обоснованная необходимость социальной революции, тотального преобразования тотальности общества. Только в том случае, если сама познаваемость и познание этой взаимосвязи могут быть постигнуты как продукт процесса, круг диалектического метода — это его определение тоже принадлежит Гегелю — может замкнуться. Уже в своей ранней полемике с Бернштейном Роза Люксембург подчеркивает это существенное различие целого и частного, диалектического и механистического рассмотрения истории (будь оно оппортунистическим или путчистским). «Здесь лежит, — излагает она¹, — главное различие между бланкистскими государственными переворотами «решительного меньшинства», которое каждый раз выступает, как выстреливает из пистолета, и именно поэтому всегда несвоевременно, и завоеванием государственной власти большой и классово сознательной народной массой, которая сама может быть лишь продуктом начинающегося распада буржуазного общества, и поэтому в себе носит экономико-политическое узаконение ее своевременного появления». И в ее последнем сочинении сходным образом²: «Объективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели достаточно, чтобы уже гораздо раньше вызвать в обществе такого рода социальное и политическое обострение противоречий и такую шаткость положения, которые должны будут подготовить гибель господствующей системы. Но и эти социальные и политические противоречия в последнем счете сами являются лишь продуктом *экономической* несостоятельности капиталистической системы, и

¹ Socialreform oder Revolution? 47.

² Antikritik, 7, [Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 34-35].

их все возрастающее обострение черпается как раз из этого источника по мере того, как эта несостоятельность становится ощутительнее».

Пролетариат, таким образом, является одновременно и продуктом перманентного кризиса капитализма, и исполнителем тех тенденций, которые влекут капитализм к кризису. «Пролетариат, - говорит Маркс¹, - приводит в исполнение тот приговор, который выносит сама себе частная собственность путем создания пролетариата». Он действует, познавая свое положение. Он познает свое место в обществе, борясь с капитализмом.

Но классовое сознание пролетариата, истина процесса «как субъекта» менее всего являются стабильно неизменными или движимыми механистическими «законами». Это — сознание самого диалектического процесса: это — тоже диалектическое понятие. Ибо практическая, активная сторона классового сознания, его истинная сущность, может стать видимой в ее подлинном образе только тогда, когда исторический процесс настоятельно требует ее вступления в силу, когда острый кризис экономики вызывает ее к действию. Иначе она остается, соответственно постоянному скрытому кризису капитализма, теоретической и скрытой²: она, как «голое» сознание, как, по словам Розы Люксембург, «идеальная сумма», необходимо противостоит отдельным злободневным вопросам и ежедневной борьбе.

Однако в диалектическом единстве теории и практики, которое Маркс познал и сделал осознанным в освободительной борьбе пролетариата, не может быть голого сознания, ни в качестве «чистой» теории, ни в качестве голого требования, голого долженствования, голой нормы действия. Требование тоже имеет здесь свою действительность. Это означает, что то состояние исторического процесса, которое придает классовому сознанию пролетариата характер требования, «скрытый и теоретический» характер, должно принять образ соответствующей действительности и как таковое деятельно вмешаться в тотальность исторического процесса. Этим образом пролетарского классового сознания является *партия*. Не случайно, что именно та Роза Люксембург, которая раньше и яснее многих осознала спонтанный характер революционных массовых акций (где она, впрочем, подчеркнула лишь другой аспект тех ранее изложенных констатаций, согласно которым эти акции необходимо производятся необходимостью экономического процесса), также раньше многих других ясно поняла роль партии в революции³.

¹ Die heilige Familie, MEW 2, S. 37.

² Massenstreik, 2. Ausgabe 48.

³ О границах ее воззрений см. сочинения «Kritische Bemerkungen etc.» и «Methodisches zur Organisationsfrage». Здесь мы ограничиваемся изложением ее мнения.

Для механистических вульгаризаторов партия была лишь организационной формой, и массовое движение, революция — тоже лишь проблемой организации. Роза Люксембург рано осознала, что организация есть скорее следствие, чем предпосылка революционного процесса, так, что даже сам пролетариат может конституироваться в класс только в процессе и через процесс. В этом процессе, который партия не может ни вызвать, ни избежать, ей выпадает поэтому великая роль: *быть носительницей классового сознания пролетариата, совестью его исторической миссии*. В то время, как кажущийся и для поверхностного рассмотрения более активный и, наверное, даже более «реальный» подход, который преимущественно или исключительно отводит партии организационные задачи, вытесняется на позиции безоглядного фатализма в противоположность факту революции, представление Розы Люксембург становится истоком истинной, революционной активности. Если партия действует в соответствии с тем, «что вся сумма имеющейся в наличии и уже запущенной, вызванной к действию силы пролетариата реализуется в каждой фазе и каждом моменте борьбы и находит свое выражение в боевой позиции партии, что тактика социал-демократии по своей решимости и остроте никогда не стоит *ниже* уровня фактических классовых отношений, а напротив, опережает эти отношения»¹, тогда она преобразует свой характер требования в момент насущной революции в действующую действительность, растворяя в спонтанном массовом движении внутренне присущую ему истину, возвышая ее из экономической необходимости ее возникновения до свободы осознанного действия. И это преобразование требования в действительность становится рычагом подлинно соответствующей классовой природе, подлинно революционной организации пролетариата. Познание становится действием, теория лозунгом, масса, действующая соответственно лозунгу, все сильнее, осознаннее и непоколебимее вступает в ряды организованных передовых бойцов. Из верных лозунгов органически вырастают предпосылки и возможности также и технической организации борющегося пролетариата.

Классовое сознание есть «этика» пролетариата, единство его теории и его практики, тот пункт, где экономическая необходимость его освободительной борьбы диалектически превращается в свободу. Будучи признанной в качестве исторического образа и действующей носительницы классового сознания, партия вместе с тем становится носительницей этики борющегося пролетариата. Эта ее функция должна определять ее политику. Сколь бы ни была ее политика не согласована

¹ Massenstreik, 38.

с преходящей эмпирической действительностью, сколь бы ни оставались ее лозунги в такие моменты неисполненными, необходимый ход истории принесет ей не только удовлетворение, но и моральная сила верного классового сознания, верного, соответствующего классовой природе действия также – практически, реально политически — свои плоды¹.

Ибо сила партии в моральном: она питается доверием спонтанно-революционных масс, вынужденных к протесту экономическим развитием. Их чувством, что партия является объективацией их глубоко собственных, но все же им самим не полностью ясных сил, является видимой и организованной формой их классового сознания. Только когда партия завоевала и заслужила это доверие, она может стать вождем революции. Ибо только тогда спонтанное стремление масс будет двигаться со всей силой и все инстинктивнее в направлении партии, в направлении становления собственного сознания.

Оппортунисты через их разделение неразрывного сами себе закрыли это познание, действующее самопознание пролетариата. Поэтому их вожди язвительно говорят — в истинно мелкобуржуазно-вольнодумной манере — о «религиозной вере», которая-де лежит в основании большевизма, революционного марксизма. В этом обвинении кроется признание собственного бессилия. Этот пустой и разъедающий скепсис напрасно кутается в благородную мантию трезвой и объективной «научности». Каждое слово и каждая ужимка выдают в лучшем случае отчаяние, в худшем - внутреннюю пустоту, которая стоит за ними: полный отрыв от пролетариата, от его путей и от его предназначения. То, что они называют верой и стремятся дискредитировать словечком «религия», есть не больше и не меньше как уверенность в гибели капитализма, уверенность — в конечном счете — в победоносной пролетарской революции. Для этой уверенности не может быть «материальной» гарантии. Она нам гарантирована только методически — через диалектический метод. Но и эта гарантия может быть испытана и завоевана только через действие, через саму революцию, через жизнь и стремление к революции. Какому-нибудь марксисту кабинетно-ученой объективности это может дать столь же мало, сколь и «естественнозаконно» гарантированная неизбежность победы мировой революции.

Единство теории и практики состоит не только в теории, но также для практики. Так же как пролетариат как класс лишь в борьбе и действии может завоевать и удержать свое классовое сознание, возвыситься до уровня своей — объективно данной — исторической задачи, так же

¹ Vgl. die schoene Stelle in der Junius-Broschuere, Futurus-Verlag, 92.

и партия и отдельные борцы могут только тогда действительно овладеть своей теорией, когда они в состоянии внести это единство в свою практику. Так называемой религиозной верой здесь является не что иное, как методическая уверенность в том, что исторический процесс, несмотря на все временные поражения и неудачи, *в наших действиях, через наши действия* движется своим путем к концу. Для оппортунистов и здесь существует старая дилемма бессилия; они говорят: если коммунисты предвидят «поражение», то они должны либо воздержаться от всякого действия, либо они недобросовестные авантюристы, политики катастрофы и путчисты. В своей духовной и моральной неполноценности они не в состоянии, *усмотреть самих себя и мгновение своего действия как момент тотальности, процесса*: «поражение» как необходимый путь к победе.

Свидетельством единства теории и практики в деле всей жизни Розы Люксембург является то, что это единство победы и поражения, отдельной судьбы и всеобщего процесса стало путеводной нитью ее теории и образа жизни. Уже в ее первой полемике с Бернштейном¹ она представила необходимый «преждевременный» захват власти пролетариатом как неизбежный и разоблачила производное от этого, трясущееся перед этим неверие в революцию, «как политическую нелепость, которая исходит из механистического развития общества и имеет предпосылкой победы в классовой борьбе вне и независимо от классовой борьбы определенный момент». Эта лишенная всяких иллюзий уверенность ведет Розу Люксембург в ее борьбе за освобождение пролетариата: его экономическое и политическое освобождение из материальной кабалы в капитализме; его идеологическое освобождение из духовной кабалы в оппортунизме. Как великий духовный вождь пролетариата, она направляла свою борьбу против этого — тем более опасного, что тяжело победимого — врага. Ее смерть от рук самых действительных, самых злобных ее врагов, Шейдемана и Носке, есть поэтому закономерный венец ее мысли и жизни. И то, что она осталась с массами при теоретически много лет назад предсказанном, практически в момент действия ясно предвиденном поражении январского восстания и разделила их судьбу, есть такое же верное следствие единства теории и практики в ее действии, как и заслуженная смертельная вражда ее убийц, социал-демократических оппортунистов.

Январь 1921.

¹ Soziale Reform oder Revolution? 47 bis 48.